

ПРОБЛЕМЫ И ДИЛЕММЫ ЕВРАЗИЙСКОГО ВЫБОРА РОССИИ

Сегодня, во втором десятилетии XXI века Россия вновь находится перед выбором. В многовековой истории страны так случалось не раз. Между тем современные ведущие развитые государства давно и успешно миновали исторические развилки на своем пути, и потому сейчас они могут обсуждать пути выхода из кризиса, но не модели дальнейшего политико-экономического развития. Россия же в который раз оказалась на перепутье, что, кстати, было подтверждено на последнем Давосском форуме в конце января 2013 г., где обсуждались три сценария для России: «Новый баланс сил в регионах», «Хрупкая стабильность» и «Чрезмерная беспечность». В более общем плане возможные сценарии развития на ближайшее будущее для России в последнее время чаще всего определялись, как сырьевой, инерционный и модернизационный.

Нет необходимости доказывать, что страна должна твердо и окончательно выбрать именно последний, ибо возможности роста за счет экспорта углеводородов исчерпаны. Это учитывает руководство страны, однако нельзя сказать, что признание данного обстоятельства становится побудительным мотивом к действию для российских элит. И это вызывает серьезную озабоченность и тревогу. Как было сказано на форуме в Давосе-2013, если Россия не возьмется за реформы, то пойдет в тупик.¹

Партнеры для модернизации

Выбор в пользу модернизационного сценария развития главным образом зависит от политической воли действующей власти. Что касается реализации данного курса на практике, то здесь возможны варианты. Осуществить

---

¹ Жеро М. В Давосе Россию сочли уязвимой. Le Monde. 25.01.2013.

модернизацию в одиночку в современном мире нереалистично (хотя в среде российской политической элиты еще высказываются мнения о некоем «самодостаточном» характере России во всем, в том числе – и в экономике). Следовательно, надо сделать ставку на серьезное, долгосрочное сотрудничество именно с теми странами, которые способны содействовать претворению в жизнь в нашей стране экономической модернизации. О каких странах в первую очередь может идти речь?

Кажется, на сей счет первыми лицами в российской власти были сделаны вполне ясные заявления. Так, в 2009 г. Дмитрий Медведев, будучи президентом страны, в своем известном интернет-обращении «Россия, вперед!», в частности, сказал: «Модернизация российской демократии, формирование новой экономики, на мой взгляд, возможны только в том случае, если мы воспользуемся интеллектуальными ресурсами постиндустриального общества. Без всяких комплексов, открыто и прагматично. Вопрос гармонизации отношений с западными демократиями – это не вопрос вкуса или каких-то личных предпочтений тех или иных политических групп. Наши внутренние финансовые и технологические возможности сегодня недостаточны для реального подъема качества жизни».

Тем не менее, в последние годы в научных и, особенно, в политических кругах время от времени высказывается мысль о целесообразности выбора некоего «евразийского» пути дальнейшего развития России. По мнению автора, существуют по меньшей мере две главные причины, которыми можно объяснить тяготение к «евразийскому» или «восточному» курсу.

Первая имеет объективный характер и связана с небывалым экономическим подъемом и растущим влиянием новых индустриальных стран (НИС) и, прежде всего, Китая в начале XXI в., особенно заметным на фоне обострившихся проблем в ряде промышленно развитых стран в период мирового кризиса. Вторая носит скорее субъективный характер, ибо связана с отношением к соблюдению основных демократических свобод. Ее суть в том, что в отличие от Вашингтона, Лондона, Парижа, Берлина и Брюсселя, ни в Пекине, ни в Нью-Дели, ни в Токио, ни в Сеуле российским руководителям не приходится выслушивать неприятные нравоучения о нарушении прав человека в РФ. И это

порой может оказывать серьезное воздействие на Москву при принятии ключевых решений о сотрудничестве.

Однако же, на самом деле речь идет не только и не столько о выборе между Востоком и Западом, но между интеграцией в современное мировое сообщество и обособлением от него. Несомненно, большинство образованных российских граждан выскажется в пользу интеграции в мировое сообщество. Каким же путем и с кем в качестве ближайшего партнера двигаться в сторону этой интеграции? Поскольку на протяжении практически всего периода после распада Советского Союза западный вектор интеграции России не вызывал больших сомнений, и лишь в последние годы предпринимаются попытки предложить ему альтернативу в виде «евразийского» или «восточного» выбора в экономике, представляется целесообразным хотя бы вкратце проанализировать возможности и последствия такого выбора.

Прежде всего, следует конкретнее уяснить, что подразумевается под «евразийством» или «восточным выбором» в экономике. Вообще говоря, «восточного выбора», как такового, не существует, ибо в отличие от Запада с его иудейско-христианскими корнями, единого Востока в природе нет. Очевидно, ставка здесь может делаться на участие в интеграционных процессах в определенном регионе и сотрудничество с мощными игроками.

Начнем с первого.

Евразийский проект

Экономическая интеграция, как одна из сфер международных экономических отношений, получила широкое распространение на протяжении XX столетия. Процессы региональной интеграции продолжают активно развиваться и в XXI веке. Для России эти процессы играют по-своему значительную роль. Говоря о направлениях работы своего правительства, премьер Дмитрий Медведев, в качестве одного из них назвал именно интеграцию, отметив что «продвигаться необходимо по всем трем векторам развития: евразийскому, европейскому и азиатско-тихоокеанскому»².

---

² Правительство попало в десятку. «Ведомости». 31.01.13.

На территории бывшего СССР пока не сложилось ни одной интеграционной группировки, которую можно было бы сравнить с наиболее известными в мире, такими как ЕС, НАФТА или МЕРКОСУР. В настоящий момент Россия является участником таких региональных соглашений как Таможенный союз-ЕЭП-ЕврАзЭС, зона свободной торговли восьми государств СНГ, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая в значительной мере имеет политическое измерение. В какой-то степени «восточный», а точнее «незападный» выбор может реализовываться в рамках БРИКС и АТЭС, которые, однако, не являются интеграционными группировками. В то же время следует отметить, что Россия не участвует в формирующихся в настоящее время таких потенциально весьма мощных интеграционных структурах как Транс-Тихоокеанское партнерство (*TPP*) и так называемое «Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство» (*RCEP*),³ в которых участвуют главным образом азиатские страны.

Таким образом, если делать ставку на интеграцию на восточном направлении, то в данный момент рассматривать можно лишь Таможенный союз России, Казахстана и Белоруссии (в дальнейшем – ТС). Поскольку для РФ речь идет о выборе модели развития с целью обеспечения модернизации, следует признать, что ни одна страна на пространстве СНГ так и не приступила к ней по большому счету даже в период относительного финансового благополучия и политической стабильности. Это означает, что все они в той же степени, что и Россия, сами нуждаются в модернизации. В то же время, сегодня в условиях продолжающегося мирового кризиса, осуществить модернизацию значительно сложнее. Следовательно, что в пост-кризисном мире республики СНГ имеют мало шансов оказаться в числе конкурентоспособных экономик.

Далее. Потенциал экономической интеграции России, Казахстана и Белоруссии изначально был невелик. Согласно данным Минэкономразвития за 2010 г., на страны ТС приходилось менее 8% внешнеторгового оборота РФ. К настоящему моменту есть сведения о росте этой доли, однако она вряд ли превышает 10% и, самое главное, – нет ощутимого потенциала ее роста в будущем. Сохраняющаяся сырьевая экспортная специализация России и

---

³ В англоязычных источниках данная группировка обозначена как Regional Comprehensive Economic Partnership

Казахстана ориентирует их внешнюю торговлю на рынки вне Содружества. Поэтому главными торговыми партнерами этих государств остаются страны дальнего зарубежья, в первую очередь Евросоюз. Это, в свою очередь, затрудняет проведение согласованной внутри- и внешнеэкономической политики в ТС-ЕЭП, а следовательно, и само развитие данной интеграционной группировки.

Самой же России в силу целого комплекса факторов не удастся в полной мере играть интегрирующую роль в регионе. Одна из важнейших причин состоит в том, что она сама так и не создала привлекательной модели развития. Кроме того, высокая степень зависимости РФ от мировой сырьевой конъюнктуры не позволяет ей в полной мере выступать гарантом стабильности для ее соседей по СНГ. Это неизбежно находит отражение и в политической сфере: ни Казахстан, ни Белоруссия, ни одна другая республика в СНГ, не поддержали РФ в конфликте с Грузией в 2008 г. или в газовых разногласиях с Украиной, ни от кого Москва пока не дождалась признания Абхазии и Южной Осетии.

Безусловно, для интеграции на постсоветском пространстве существуют серьезные объективные предпосылки, такие как сформировавшиеся в советский период хозяйственные связи, транспортная инфраструктура, культурная, ментальная и языковая общности. Вместе с тем, в экономике ряда постсоветских государств преобладает ориентация на Евросоюз. В частности, она характерна для таких стран, как Армения, Белоруссия, Грузия, Молдова, Россия, Украина. Для других, таких, как Казахстан и Туркмения, важной является экономическая ориентация на Китай и страны Среднего и Ближнего Востока.

Согласно существующим планам, членами ТС-ЕЭП в ближайшее время должны стать Киргизия и Таджикистан. Обе республики, безусловно, выиграют от присоединения к интеграционной группировке, получив беспрепятственный доступ прежде всего на российский рынок и дополнительные гарантии поддержки своих отсталых экономик. Для России же это формальное расширение рынка в рамках ТС-ЕЭП вряд ли даст сколько-нибудь значимый позитивный эффект. Зато возникнут дополнительные сложности в реализации

общей торговой политики Таможенного союза, к которому эти функции уже перешли от соответствующих российских министерств.

В частности, эти сложности скорее всего проявятся при выработке и реализации мер защиты внутреннего рынка (к примеру, антидемпинговых мер), в сборе статистики и т.п., что неизбежно усложнит торгово-экономические отношения и России, и Казахстана с главными торговыми партнерами – странами дальнего зарубежья. Кроме того, следствием вхождения в ТС-ЕЭП этих двух республик неминуемо станет усиление азиатской составляющей в политике данной интеграционной группировки и, следовательно, в политике РФ.

Международная интеграция бывает успешной, когда она имеет полноценное торгово-экономическое наполнение. Это убедительно доказал пример евростроительства. В Москве и Астане довольно часто заявляют о приверженности опыту ЕС. Однако на практике уроки европейской интеграции чаще всего предаются забвению. Главный урок евроинтеграции – продвижение «шаг за шагом» (*step by step*), т.е. без форсирования отдельных этапов – скорее всего, так и не учтен в должной мере ни Москвой, ни ее партнерами по СНГ. Поэтому после распада СССР целый ряд интеграционных проектов потерпел неудачу. Не избавлен от поспешности и нынешний проект ТС-ЕЭП – достаточно вспомнить решение резко активизировать строительство ТС, о котором было объявлено в Москве 9 июня 2009 г. на сессии глав Правительств России, Казахстана и Белоруссии. Одним из следствий этого стало серьезное осложнение на переговорах по присоединению РФ к ВТО.

Слабость нынешнего евразийского интеграционного проекта заключается еще и в явно неравномерном распределении ответственности за него между участниками. Не секрет, что и в Астане, и в Минске распространено мнение, согласно которому этот проект нужен прежде всего Москве, хотя вслух, разумеется, об этом не говорят. Отсюда – иждивенческие настроения, особенно характерные для нынешнего белорусского руководства, периодически получающего от ТС (читай – от Москвы) серьезные финансово-экономические уступки.

Как известно, в Европе успех интеграции в значительной мере обеспечивался «локомотивом» двух мощных государств – Франции и Германии.

На пространстве СНГ таким «локомотивом» могли бы стать Россия и Украина. Однако по известным политическим причинам, которые связаны с европейским выбором Киева, закрепленным в конституции страны, создание подобного «локомотива» пока представляется маловероятным. В результате России по-прежнему придется выполнять функции «буксира», тянущего за собой остальных участников, число которых будет увеличиваться.

Автор ни в коей мере не выступает принципиальным противником интеграции на постсоветском пространстве, ибо для нее действительно существуют объективные предпосылки, и выигрыш от нее вполне возможен. Вопросы вызывают лишь конкретные формы, методы и попытки перескочить через этапы, не учитывающие сложившиеся реалии.

Зарубежные аналитики, рассматривая нынешний евразийский проект интеграции на постсоветском пространстве, в качестве его главных мотивов называют стремление Москвы стать центром силы в современном мире, способным противостоять США, не допустить ухода республик СНГ под чужое влияние. Упоминается и попытка «собрания постсоветских государств». Из этого делается вывод о доминировании политико-стратегических целей данного проекта над целями и задачами экономического развития.

Оставляя без комментариев подобные мнения западных аналитиков, можно, тем не менее сказать, что, будучи объективно востребованным на постсоветском пространстве, евразийский интеграционный проект в его нынешнем виде едва ли способен эффективно решать задачи модернизации экономик его участников. Учитывая состояние этих экономик, скорее каждый из них параллельно нуждается в сотрудничестве с мощными партнерами извне, обладающими современной развитой технологической базой.

Что может дать партнерство с Китаем

Официально внешняя политика Российской Федерации является многовекторной. Однако в действительности в последнее время она все чаще ориентируется на набирающие международный вес азиатские державы, особенно, Китай. В результате в поиске своей новой идентичности Россия шаг за

шагом удаляется от Запада. Чтобы определить возможности взаимодействия с Китаем в осуществлении модернизационного курса, весьма полезно оценить потенциал этого партнера.

В 1988 году экономика СССР был в 3 раза больше китайской. Ныне ВВП РФ едва превышает 20% от ВВП Китая. Но и это далеко не в полной мере отражает произошедшие перемены. Сегодня вся мировая экономика по существу зависит от КНР. Решение многих глобальных экономических проблем теперь зависит от двух стран – США и Китая. Так, в частности, дело обстоит на торговых переговорах Доха-раунда в рамках ВТО. Не так давно в международном лексиконе даже появилось новое понятие – «Группа двух» или G2, подразумевающее США и Китай. Экономический подъем Китая не мог не вызвать последствий политического и военного характера, проявившихся, в том числе, в росте военного бюджет КНР, создании мощного флота и военных баз, обострении конфликтов с некоторыми соседними странами (Япония, Индия) и т.п.

Очевидно, в таких условиях Россия должна самым серьезным образом отнестись к выстраиванию отношений с могущественным соседом как в политической и военной, так и в экономической сфере. Исторически Россия привыкла играть доминирующую роль во многих структурах и процессах, в которых нет западного участия. Однако, если взять ту же Шанхайскую организацию сотрудничества, то в ней у РФ нынче не так много шансов на ведущую роль – российские интересы по некоторым вопросам в ней уже вошли в противоречие с интересами КНР. И надо признать, что возможности Китая для продавливания своих планов, к примеру, по финансово-экономическим вопросам больше, чем у России.

В последние годы Китай почти полностью свернул промышленный импорт из РФ. Как отмечает известный экономист В.Иноземцев, в современных условиях экспорт России «на китайском направлении» оказывается даже более «сырьевым», чем на европейском (на нефть, лес и металлы приходилось в 2011 году 74,2% экспорта против 62,8% при поставках в страны ЕС), а приобретаются в КНР промышленные товары, которые давно пора научиться производить самим. Расширение такого сотрудничества, указывает Иноземцев,

означает прогрессирующую деиндустриализацию и в конечном итоге — демонтаж всей модернизационной повестки.⁴

Китай давно и небезуспешно для себя конкурирует с Россией на мировом рынке оружия, откровенно копируя некоторые виды бывших советских вооружений без общепринятых в таких случаях формальных процедур. В памяти старшего поколения россиян остается вооруженный конфликт с Китаем в районе острова Даманский и последовавшие за ним территориальные уступки, которых Москва не делала в отношении других стран.

После 2009 г. китайцы были допущены к разработке месторождений полезных ископаемых в некоторых регионах Сибири и Дальнего Востока, однако так ничего и не вложили в создание в российских регионах обрабатывающих предприятий. Осуществляя модернизацию, нельзя не думать и о сотрудничестве в сфере высоких технологий. Но Китай их пока практически не производит, а, наоборот, ввозит, либо «заимствует» другими способами в развитых странах. Значит, за хайтеком надо обращаться по другим адресам. Наконец, российско-китайские переговоры о поставках нефти и газа проходят крайне тяжело из-за нежелания Пекина идти на какие-либо уступки.

Помимо изложенных экономических доводов не в пользу развития долгосрочного сотрудничества с Китаем в целях модернизации российской экономики есть и причины политического и иного характера. Россия, при всех нынешних сложностях ее взаимоотношений с США и ЕС, все-таки не отказалась, и вряд ли полностью откажется от элементов западного пути развития. Как представляется, по мере дальнейшего развития рыночных отношений и эволюции политической системы, в РФ логично ожидать формирования институтов западного образца, что довольно трудно представить в Китае, традиционное сознание и культура которого служит надежным заслоном от влияния Запада. Это означает, что ставка на Китай неизбежно войдет в противоречие с уже начавшимся путем развития рыночной экономики в нашей стране.

Россия, как это все чаще говорится в последнее время, — евротихоокеанская держава, поэтому для нее вполне логично выстраивание

---

⁴ Иноземцев Владислав. Далеко идущий Восток. «Огонек». 19.11.12.

отношений сотрудничества с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, причем не только и не столько с Китаем, сколько со странами, которые сегодня находятся в числе лидеров технологического развития, а именно, Япония, Республика Корея, Сингапур.

* * *

Де-факто Россия сделала выбор партнера для создания современной экономики еще в первой половине 1990 годов. Этот выбор нашел отражение в подписании в июне 1994 г. Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) с Евросоюзом сроком на десять лет. Ни с какой другой страной у России до сих пор не было подобного всеобъемлющего соглашения о сотрудничестве.

Все эти годы именно ЕС оставался главным торговым партнером РФ в торговле (более 50% российского торгового оборота приходится на страны ЕС). После официального завершения срока действия СПС в декабре 1997 г. стороны приступили к переговорам о выработке нового стратегического договора. Эти переговоры в последние полтора-два года проходили достаточно сложно, однако процесс продолжается и, надо надеяться, рано или поздно новый документ увидит свет.

По всей вероятности, в ближайшее время дискуссии по поводу возможного «евразийского» выбора для нашей страны не прекратятся. Однако трудно представить себе такие обстоятельства, которые побудили бы Москву кардинально изменить взятый курс, поменяв главного партнера в сфере экономического сотрудничества. Изложенные факты и простая логика подсказывают, что это не отвечает долговременным экономическим и политическим интересам страны.